

Светлана Купрадзе

Минск

### К проблеме речевых новообразований (некоторые вопросы словотворчества)

Во все времена поэты, писатели играли со словом. Художественную литературу, особенно поэтическое творчество, в определенном смысле можно рассматривать как игру. *Poiesis есть игровая функция. Поэзия в своей первоначальной функции как фактор ранней культуры рождается в игре и как игра. Это освященная игра, но в своей священности эта игра все же постоянно остается на грани необузданности, шутки, развлечения...*<sup>1</sup>. В начале XX века в России игра со словом породила философию зауми, основной чертой которой стало словотворчество (Велимир Хлебников, Игорь Северянин, Алексей Крученых).

Такой вид «языковой игры» как словотворчество в последние годы вызывает все больший интерес. Это связано с тем, что лингвисты осознали тот факт, что коммуникативная компетенция говорящих не сводится только к способности строить предложения, но и состоит в том, что говорящие владеют навыками создания новых лексических единиц и способны распознавать их в языке и речи.

Исследование неязыковой лексики – одна из современных тенденций в области изучения разговорной и художественной речи. Внимание языковедов сосредоточено на анализе фактов появления новых слов, изучении моделей их создания, определении их значений, стилистических функций. Объектом исследований все чаще становятся речевые

---

<sup>1</sup> Й. Хейзинга, *Homo ludens, В тени завтрашнего дня*, Москва 1992, с. 464.

новообразования – лексические единицы, созданные отдельными носителями языка, главным образом, поэтами, писателями. Огромное количество таких лексем не входит в общее употребление, так и оставаясь словами, лишь однажды созданными и реализованными в определенном контексте. Это *огончарован*, *кюхельбекерно* Александра Пушкина, *поцекистей*, *многопудье* Владимира Маяковского, *восторгокрылый*, *сметачи* Велемира Хлебникова, *телерадиоджунгли*, *антипокой*, *фиго-карманство* Евгения Евтушенко, *яблокопад*, *святотопорство* Андрея Вознесенского. В поисках яркого, живого, экспрессивного слова авторы приходят к подобному словотворчеству, продуктом которого являются авторские новообразования или окказионализмы (от лат. *occasionalias* – случайный).

В 1957 году Н. И. Фельдман, впервые предложившая этот термин, писала:

В русской литературе окказиональные слова, несомненно, не имеют такого широкого распространения, как, например, в немецкой или японской: Шедрин и Маяковский в этом отношении составляют исключение и резко отличаются от таких классиков, как Пушкин, Тургенев, Чехов, Толстой и многие другие. По-видимому, это обстоятельство способствовало тому, что само явление окказионального словообразования не привлекло достаточного внимания исследователей, а сами такие новообразования вызвали несколько пренебрежительное к себе отношение<sup>2</sup>.

Действительно, писатели, поэты XIX века нечасто создавали неустойчивые слова. Иногда можно встретить речевые новообразования в произведениях А. С. Пушкина (*дамоподобны*), Ф. М. Достоевского (*сложно-руки-сиденье*) и др.

Однако уже начало XX века было ознаменовано появлением большого количества новообразований, особенно в поэзии. Особым пристрастием к словотворчеству отличались поэты-символисты и футуристы. Экспериментирование со словом в то время отражало дух новаторских исканий и, несмотря на отдельные неудачи и крайности, сыграло большую роль в обновлении поэтического языка, в освобождении его от традиционных штампов, в активизации творческих возможностей художников слова. Создание окказионализмов стало устойчивой стилистической чертой творчества Владимира Маяковского, Сергея Есенина. Непревзойденным в реализации потенциалов языка поэзии является лингвопоэтический опыт Велимира Хлебникова, к филологическому

---

<sup>2</sup> Н. И. Фельдман, *Окказиональные слова и лексикография*, «Вопросы языкознания» 1957, № 4, с. 68.

осмыслению экспериментов которого обращается не одно поколение филологов. Окказионализмы создавали в своих произведениях Александр Блок, Андрей Белый, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Игорь Северянин, Вячеслав Иванов.

Начиная с 50-х годов, наблюдается активное появление новообразований в творчестве поэтов: Андрея Вознесенского, Виктора Бокова, Евгения Евтушенко, Леонида Мартынова, Новеллы Матвеевой, Роберта Рождественского, Сергея Острового и др. В наши дни неузуальное словообразование стало активизироваться не только в языке художественной литературы, но и в языке газет, других средств массовой информации, устной публичной речи. Например, журналист называет свою страну *Абсурдистаном* (ср. с узуальным *Узбекистан*). Другие примеры из прессы: *эмигрень* (*эмиграция* + *мигрень*), *фальшивоманатчик* (*фальшивомонетчик* и *манат* – денежная единица в Азербайджане).

За последние десятилетия интерес к речевым новообразованиям резко возрос. Об этом свидетельствует и увеличение количества посвященных им работ, и обращение к новообразованиям для иллюстрации продуктивности тех или иных явлений языка, прежде всего словообразовательных типов. Однако проблематику изучения окказиональных слов нельзя считать сложившейся. Мнения лингвистов по различным проблемам, связанным с окказиональным образованием, не всегда совпадают. До сих пор нет единства в терминологии.

Предпочтение отдается термину «окказионализм». Однако существуют другие названия подобных слов: индивидуальные слова, индивидуально-авторские неологизмы, неологизмы контекста, одноразовые неологизмы, слова-самodelки, слова-экспромты, ситуативные слова, стилистические неологизмы, литературные неологизмы, поэтические неологизмы, индивидуальные новообразования, химерические новообразования, художественные окказионализмы, оценочные слова-временянки, авторские неологизмы, эгологизмы (от лат. *ego*-я).

Нетрудно заметить, что чаще других встречается термин «неологизм». Называя явления неузуального образования индивидуально-авторскими неологизмами, неологизмами контекста, одноразовыми и другими неологизмами, исследователи признают окказиональные слова особым типом новых слов.

Но можно ли окказиональное слово называть неологизмом? Этот вопрос не раз задавался исследователями окказионального слова.

*Термин «неологизм» – самый старый, – пишет Э. И. Ханпира. – В литературоведческих работах до сих пор только он и бытует. Только его и признает средняя школа. А между тем одного этого*

термина явно недостаточно для описания многообразия фактов, связанных с появлением новых слов<sup>3</sup>. Со времени написания этой работы прошло почти 40 лет, однако по-прежнему нередко понятия «неологизм» и «окказионализм» употребляются в качестве синонимов.

Известно, что неологизмы – это слова, которые появляются в языке для обозначения новых понятий. Входя в активный словарь людей, они перестают восприниматься как новые. Следовательно, каждое слово может быть неологизмом на раннем этапе своего появления в языке. Поэтому А. Г. Лыков называет неологизмом любое слово, находящееся в начальной стадии своей исторической жизни в языке. Неологизм, первоначально являясь фактом речи, становится фактом языка. Это и есть главное отличие между новым словом и окказиональным. Последнее почти всегда остается речевым фактом.

Свежесть и новизна называются многими исследователями общими свойствами новых и окказиональных слов. По этой причине большинство неологов признает окказионализмы особым типом новых слов. Однако и в этом вопросе между исследователями нет единого мнения. Наиболее ж распространенной является следующая точка зрения. Новое слово – понятие относительное. Закрепляясь в языке, новые слова начинают функционировать наряду с другими. Сколько времени они еще остаются новыми? Очевидно, до тех пор, пока обозначаемые этими словами предметы, явления действительности сохраняют черты ошутимой новизны, до тех пор и сами эти слова воспринимаются как новые.

Окказиональные слова в большинстве случаев не входят в язык, функционируют только в созданном контексте, в силу этого они сохраняют новизну, свежесть всегда, независимо от времени создания.

Хотя со времени написания этих строк прошли десятки лет, слова *поцекистей*, *душедрянствовать*, *умонелепствовать*, *белибердоносцы* сразу выделяются из общего контекста своей новизной. И вот этим-то они резко отличаются от подлинных неологизмов, о которых шла речь выше: для последних... характерно как раз обратное – а именно то, что трудно уловить тот недолгий момент, когда они еще ощущались как неологизмы<sup>4</sup>.

Важной является проблема разграничения окказиональных и потенциальных слов.

---

<sup>3</sup> Э. И. Ханпира, *Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании*, [в:] *Развитие словообразования современного русского языка*, Москва 1966, с. 154.

<sup>4</sup> Н. И. Фельдман, *Окказиональные слова и лексикография*, «Вопросы языкознания» 1957, № 4, с. 65.

Некоторые неузуальные слова не заметны в такой степени, как окказиональные, не режут слух своей необычностью, новизной. Их не всегда легко отличить от общеупотребительных слов. Например, *каменность, прогрессивничать* (дериваты Е. Евтушенко). Подобные слова называют потенциальными. *Человеку нужно слово, оно наивно, стихийно, легко срывается у него с языка; он даже не знает, не задумывается, слышал он его или сочинил: оно понятно собеседнику – чего еще?*<sup>5</sup>

Термин «потенциальное слово» неоднозначен и остается предметом споров. Г. О. Винокур, предложивший этот термин, раскрывал сущность потенциального слова на примере слова *китиша* созданного, В. Маяковским:

В каждом языке наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода «потенциальные слова», т.е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность. *Слониха* при *слон* – слово реальное и историческое. Но рядом с ним, как его тень, возникает потенциальное слово *китиша*, как женский род к *кит...* То, что живет в языке подспудной жизнью..., дано как намек в системе языка, прорывается наружу в подобных явлениях языкового новаторства, превращающего потенциальное в актуальное<sup>6</sup>.

Потенциальные слова возникают в результате возможностей, заложенных в словообразовательной системе русского языка. Они образуются по продуктивным словообразовательным типам. Их структура соответствует структуре узуальных слов. Значение потенциальных слов предсказуемо, воспринимается вне контекста, сводится к сумме значений мотивирующих компонентов и значения словообразовательной модели. Так, к потенциальным словам принадлежат существительные с продуктивным суффиксом *-ость*, регулярно образующим в русском языке существительные со значением отвлеченного признака, мотивированные именами прилагательными. Например, *несчастность, хрустальность* (примеры Е. Евтушенко).

Окказионализмы создаются по малопродуктивным, непродуктивным и «внетиповым» («неизвестным или почти неизвестным языку») моделям. Даже созданное по продуктивному словообразовательному

---

<sup>5</sup> В. В. Лопатин, *Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования*, Москва 1973, с. 141.

<sup>6</sup> Г. О. Винокур, *О языке художественной литературы*, Москва 1991, с. 328.

типу окказиональное слово всегда обнаруживает отступление, отклонение от его структуры. Например, при образовании окказионализма *наверность* снимаются существующие ограничения со словообразовательного типа, т.к. существительные этой структуры мотивируются, как правило, прилагательными и страдательными причастиями, но не наречиями: *Я счастлив лишь наверно, / но не наверняка. / Подобная наверность – / судьбы моей неверность*<sup>7</sup>.

Термин «потенциальное» подчеркивает определенную заданность такого слова словообразовательной системой языка, возможность возникновения речевого факта. Нередко такие слова являются чистой реализацией модели, так называемыми словами *ad hoc*. Окказиональность – известная степень незаданности речевого факта системой языка, что создает эффект неожиданности, непредсказуемости. Э. И. Ханпира пишет: *Окказиональность обратно пропорциональна потенциальности: чем больше возможность появления того или иного слова, тем меньше его окказиональность, и наоборот*<sup>8</sup>.

Действительно, потенциальные и окказиональные слова в известном смысле противоположны друг другу. Первые стандартны с точки зрения языка, вторые – нестандартны. Этим, видимо, объясняется тот факт, что окказиональное словообразование в количественном отношении представлено менее значительно, чем словообразование потенциальное. Однако при этом потенциальные слова нередко несут на себе черты ощутимой новизны, свежести, оригинальности ничуть не меньше, чем окказионализмы. Происходит это потому, что разграничение потенциальных и окказиональных слов, принятое в дериватологии, снимается в условиях художественного произведения, где мерилом является не словообразовательная структура, а контекстуальная семантика.

Потенциальные и окказиональные слова обладают рядом специфических признаков. Многопризнаковость неузуального слова служит целям выделения его как лексической единицы внутри более широкого понятия слова вообще.

Наиболее полно этот вопрос изучен в работах исследователей Р. Ю. Намитоковой и А. Г. Лыкова. Последний выделяет следующие

---

<sup>7</sup> Е. А. Евтушенко, *Граждане, послушайте меня... Стих-я и поэмы*, Москва 1989, с. 10.

<sup>8</sup> Э. И. Ханпира, *Смысловая структура окказионального слова в языке Маяковского*, «Русский язык в школе» 1966, № 6, с. 36.

признаки речевых новообразований: принадлежность к речи, творимость, словообразовательную производность, ненормативность, функциональную одноразовость, экспрессивность, номинативную факультативность, синхронно-диахронную диффузность, индивидуальную принадлежность.

Наиважнейшим признаком речевых новообразований является ненормативность. В современных определениях понятия «языковая норма» основополагающими являются взгляды Э. Косериу. Норма – это система обязательных реализаций, принятых в данном обществе и данной культурой; норма соответствует не тому, что «можно» сказать, а тому, что уже «сказано» и что по традиции «говорится» в рассматриваемом обществе.

Неузуальная лексика – одно из проявлений аномальных языковых явлений. В статье «Аномалии и язык» Н. Д. Арутюнова определяет *последовательность действия отклонений от нормы, которая берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве*<sup>9</sup>. В работе автор оперирует понятиями нормы и антинормы в языке, рассматривает концептуальные поля для каждого из них. Поле нормативности граничит с концептами обыденности, ординарности, предсказуемости, привычности. Поле ненормативности, в свою очередь, граничит, с одной стороны, с такими концептами, как новшество, изобретение, преобразование и т.п., а с другой – с такими, как редкое, необычное, из ряда вон выходящее, уникальное, индивидуальное, обращающее на себя внимание, спорадическое, случайное, непредсказуемое и др.

Окказионализмы в структурном отношении не представляют однородную группу. Помимо окказиональных слов, образованных по аналогии с непродуктивными словообразовательными типами и образованных с отступлением от семантических, структурных, стилистических отношений между компонентами словообразовательного типа, выделяется группа «нестандартных, несистемных», «собственно окказиональных», внетиповых слов, созданных по неизвестным или почти неизвестным языку типам. Наиболее полная систематизация способов и приемов, специфических для образования окказионализмов, сделана

---

<sup>9</sup> Н. Д. Арутюнова, *Аномалии и язык. К проблеме языковой «картины мира»*, «Вопросы языкознания» 1963, № 3, с. 8.

Р. Ю. Намитоковой, Е. А. Земской, М. П. Петриченко. Они называют междусловное наложение, контаминацию, сращение в сочетании с суффиксацией, субституцию, редеривацию, повторы-отзвучия (созвучия), сложение 3-х и более основ, построение слов с вымышленными корнями, тмезис (вторжение аффикса или целого слова внутрь слова), высвобождение аффиксов и других частей слова, использование суффиксов в качестве базовых основ, другие каламбурные и паронимические игры со словом. Полное же исчисление невозможно в принципе.

Рассмотрим внетиповые дериваты, извлеченные из произведений Е. Евтушенко. Большинство из них являются именами существительными. Единичны случаи образования окказионализмов других частей речи. Это новообразования с уникальной структурой, созданные специально с установкой на словесную игру, каламбур. Тем не менее эти единицы можно типизировать по технике производства.

Так, субстантивы *гробувь*, *ирландьш*, *тимура*, *монте-христианин* демонстрируют междусловное наложение или гибридизацию. При их создании происходит наложение конца первой полной или усеченной основы и начала второй основы двух самостоятельных слов: *гроб* и *обувь*, *ирландка* и *ландьш*, *Тимур* и *мура*, *Монте Кристо* и *христианин*. В результате возникает сложное слово особого типа, включающее в свое значение семантику объединившихся слов, а в свою основу – основы обоих объединившихся слов, причем в качестве определяемого выступает второе слово, а в качестве определяющего – первое слово.

Контаминацией образованы окказиональные существительные *пиночетество*, *дурократия*, *мордель*. Подобные дериваты в зарубежной лингвистике называют «телескопизмами», по их сходству с телескопными трубами, вдвигающимися друг в друга, словами-«кентаврами». От междусловного наложения этот прием отличается тем, что часть одного слова устраняется, т.е. не входит в окказионализм, но остается в том фоне, который служит двойному осмыслению окказионализма. Таким образом, при контаминации происходит вытеснение какого-либо элемента объединяемых слов.

*В грязь уроненное отечество / превращается в пиночетество*<sup>10</sup>.

К контаминационным относятся образования *Ваше социалистическое*, *Трусы Советского Союза*. В первом случае заменяется часть слова (*величество* – *социалистическое*), во втором – целое слово идиомы (*Герой* – *Трус*).

<sup>10</sup> Е. А. Евтушенко, *Граждане, послушайте меня... Стих-я и поэмы*, с. 23.

*Трусы прежние / в герои суются / словно Трусы Советского Союза*<sup>11</sup>.

К внетиповым относятся окказиональные существительные и прилагательные, созданные повторами-отзвучиями: *Аленушка-клеянушка, дачник-гамачник, долгожданочка-алданочка, Млечный не вечный путь, современник-содременик, мальчик-лгальчик* и еще 14 дериватов, созданных на основе субстантива *мальчик*. Этот способ образования неузуальных единиц называют также «приемом рифмованного эха, фокус-покус-приемом». Суть повтора-отзвучия в том, что производное слово создается повторением близкого, но не совпадающего полностью сегмента. Перечисленные дериваты несут смысловую нагрузку.

*Аленушка-клеяменушка / в лесу. / Аз, буки, ве ди / калеными щипцами по лицу!*<sup>12</sup>

Одним из специфических приемов порождения окказионализмов является образование по образцу конкретного слова. Конкретный образец может быть как производным словом, так и непроизводным, но вычленивающим какие-то сегменты. Создавая окказионализм, творец может отчетливо осознавать связь с прообразом и эксплицировать ее.

Одной из разновидностей образований по конкретному образцу является субституция – замена морфем, сегментов слов, компонентов сложного слова. Субституция характерна для контрастных образований по конкретному образцу под влиянием непосредственной и опосредованной аналогии с равномотивированным словом. Обнаружены прилагательное *послевременный* (ср. *преждевременный*), наречие *разновременно* (ср. *одновременно*).

*В твоём подъезде на Петровке / железные ступени, / где мы идем разновременно...*<sup>13</sup>

Несмотря на отсутствие в текстах непосредственных аналогов – узуальных слов, ассоциации с ними остаются ощутимыми, они принимают участие в создании художественного образа.

Нужно отметить, что данный способ образования слов, отмеченный сравнительно недавно и теоретически обоснованный И. С. Улукановым близок к известным в языке способам производства слов. Так, прилагательное *послевременный* можно рассматривать как префиксальное образование.

<sup>11</sup> Е. А. Евтушенко, *Граждане, послушайте меня...*, с. 23.

<sup>12</sup> Е. А. Евтушенко, *Последняя попытка*, Петрозаводск 1988, с. 11.

<sup>13</sup> Е. А. Евтушенко, *Нет лет*, С-Петербург 1993, с. 217.

В качестве форманта, структурирующего окказионализм, часто используется не аффикс, а какой-либо фрагмент слова-прообраза. Так, окказионализм *до страданья* воспринимается на фоне узуального междоимения *до свиданья*. При этом мотивирующие слова (*страдать, до свиданья*) предвзвешивают появление окказионализма, создавая условия для его правильного истолкования.

*Пусть нам снова страдать, / если снова мы будем вдвоем – / до свиданья! Мыслим – значит, живем? / Нет, страдаем – / значит, живем! / До страданья!*<sup>14</sup>

Сосредоточению большого количества незузальных слов в тексте Е. А. Земская дает условное, метафорическое название «словообразовательного куста» или «каскада незузальных слов». Это явление в классическом виде представлено в «Заключении смехом» В. Хлебникова. «Каскад» незузальных слов может формироваться из единиц: 1) относящихся к одному словообразовательному типу, 2) относящихся к одному способу словообразования, 3) имеющих одну и ту же базовую основу.

Стихотворение Е. Евтушенко «Метаморфозы» почти полностью состоит из незузальных слов (25 единиц). *Детство – это село Краснощекково, / Несмышленово, Всеизлазово, / Скок-Поскокково, чуть Жестокково, / но Беззлбнино, но Чистоглазово. / Юность – это село Надеждино, / Нараспашкино, Обольщаньино ... / Старость – это село Усталово. / Понимаево, Неупреково, / Забывалово, Зарасталово / и – не дай нам Бог – Одиноково*<sup>15</sup>.

Поэт создает индивидуальные производные – «названия сел», олицетворяющие разные периоды жизни человека: детство, юность, зрелость, старость. Образованы они по аналогии с субстантивами среднего рода – топонимами на *-ово, -ино*. (Новообразование *Жестокково* имеет суффикс *-ого* и совпадает с косвенной падежной формой узуального прилагательного *жестоккий*). Русская литература знает подобные примеры незузальных топонимов (Ср. с некрасовскими *Разутово, Знобишино, Горелово, Неелово*).

Скопление окказионализмов зафиксировано и в других произведениях Е. Евтушенко. Это уже упоминавшиеся повторы-отзвучия на *-чик* из стихотворения «Инфантилизм»: *мальчик-лгальчик, выпивальчик, жральчик, надувальчик, продавальчик* и др. (15 единиц).

<sup>14</sup> Е. А. Евтушенко, *Нет лет*, с. 148.

<sup>15</sup> Там же, с. 207.

«Каскад» из 24 дериватов, являющихся сложениями с *полу-*, наблюдается в стихотворении «Половинчатость». Это существительные: *полумятежник, полународ, полураб, полусовесть*, глаголы: *полуувидеть, полупятиться, полубояться, полубезобразить*, прилагательные: *полугодный, полусвободный*, местоимение – *полутот*. Композиты с *полу-* обозначают половинчатость, ущербность понятий, действий, признаков. Эта сема выделена автором уже в самом названии «Половинчатость».

*Смертельна половинчатость / порывов, / Когда, узду от ужаса  
грызя, / Мы прядаем, / Все в пене, / у обрывов, / но полуперепрыг-  
нуть их нельзя*<sup>16</sup>.

В сатирическом произведении «Кабычегоневышлисты» реализуется прием, в известной мере, противоположный предыдущему. Идиома *кабы чего не вышло* становится производящей основой для создания целого гнезда слов, включенных в идейно-образную ткань стихотворения «Кабычегоневышлисты». Рождаются направление *кабычегоневышлизм* с конкретными представителями *кабычегоневышлистами* и *кабычегоневышлистиками*, фамилия *Кабычегоневышлистенко*.

Окказионализмы, созданные внетиповыми способами, демонстрируют огромные резервные возможности словообразовательной системы русского языка. Эта группа окказионализмов наделена наибольшей степенью экспрессивности, необычности, уникальности.

Категория окказиональности проявляется не только в словообразовании. Окказиональные образования в принципе возможны при использовании единиц каждого языкового уровня.

Окказиональным значением наделены семантические окказионализмы. Подобные неузואльные единицы являются предметом исследования лингвистов Т. К. Бардиной, Н. Ю. Зуевой, В. И. Калашникова, Е. А. Семенец, Е. А. Шмелевой и другими. Явление семантических окказионализмов называют также «обертонами смысла», «смысловыми приращениями», «контекстуальными значениями», «окказиональным словоупотреблением». Семантические окказионализмы – это узואльные слова, которые в определенном контексте приобрели новый, окказиональный элемент значения. Например, *затишье порядка, прелюбодей мысли* (Ф. М. Достоевский), *прививка стыда, культуризм взгляда* (Е. Евтушенко). С изучением семантических окказионализмов связана проблема переноса значений по смежности и сходству, то есть проблема изучения тропов: метафоры, метонимии.

<sup>16</sup> Е. А. Евтушенко, *Последняя попытка*, с. 57.

Некоторые исследователи говорят об индивидуальных фразеологизмах, окказиональных компонентах фразеологизмов. Тем самым они констатируют категорию окказиональности во фразеологии. Так, А. М. Мелерович приводит пример окказионального фразеологизма из «Нигерийской тетради» Юрия Нагибина: *На спектакль приехала публика даже из далекого Лагоса. Банану негде было упасть*<sup>17</sup>. Мы наблюдаем распад фразеологизма *яблоку негде упасть*. У Е. Евтушенко нами встречен окказиональный фразеологизм *сердечный переизбыток*, образованный в результате распада узуального медицинского термина-фразеологизма – *сердечная недостаточность*.

*Шукин принадлежал к тем людям, которые умирают не от сердечной недостаточности, а от сердечного переизбытка*<sup>18</sup>.

Во всех подобных случаях замены одного из компонентов замещенный член фразеологизма остается в подтексте в виде культурно-языкового фона и неизбежно включается поэтому в смысл заменившего компонента, а фоновый узуальный фразеологизм – в смысл окказионального.

В сфере грамматики окказионализмы появляются среди словоформ (Сегодня *возбужду* вопрос с точки зрения... (Михаила Зощенко) и синтаксических единиц. Так, П. Майер приводит пример особого случая употребления формы родительного падежа в функции винительного: *Прошу вашего величества*...<sup>19</sup>. Л. Н. Чумак рассматривает синтаксические окказионализмы из романа Е. Евтушенко «Ягодные места»: *ягодный уполномоченный, подсматривать манеры* и др.:

Суть синтаксического окказионального образования определяется расширением границ нормативной сочетаемости слова, т.е. сознательным нарушением его валентности, дистрибуции. Наиболее распространенными в языке художественной литературы являются отступления от норм лексической сочетаемости слов, обусловленной их индивидуальным значением, на которые язык накладывает определенные ограничения<sup>20</sup>.

<sup>17</sup> А. М. Мелерович, *Окказиональная фразеологическая деривация в текстах русского языка*, Курск 1986, с. 123.

<sup>18</sup> Е. А. Евтушенко, *Точка опоры*, Москва 1981, с. 97.

<sup>19</sup> П. Майер, *Прошу вашего величества... Особый случай употребления формы родительного падежа в функции винительного*, «Вопросы языкознания» 1999, № 3, с. 70.

<sup>20</sup> Л. Н. Чумак, *Синтаксические окказионализмы в прозе Е. Евтушенко*, «Вестник БГУ» Сер. 4. Филология, журналистика, педагогика, психология, 1986, № 2, с. 50.

Безусловно, категории окказиональности и потенциальности в языке способствуют созданию неповторимой эстетически-художественной материи, выявлению в ней индивидуального восприятия мира.

#### S U M M A R Y

The article describes such phenomenon as non-used vocabulary. This work looks into potential and occasional words, their signs, different points of view on the problem of their differentiation.

The most interesting part of occasional words is untypical occasional words.

Semantics, word-forming structure, stylistic function of untypical occasional words, extracted from the works of Y. A. Yevtushenko, are analyzed in this article.

This research enables as well to imagine the development of different means of words formation.